

Первая победа в той тяжелой и долгой войне. 8 декабря 1941 года.

Подвигу моряков при взятии штурмом села Белый Раст посвящается.

«На братских могилах не ставят крестов...» - пел Владимир Высоцкий.

Их венчают скорбные скульптуры или строгие обелиски. Братские могилы – скорбная память войны.... Сколько их на просторах России и в странах Европы? Скольким молодым жизням поставила в них финальную точку та самая беспощадная война? Многочисленные обелиски вдоль подмосковных дорог - как напоминание о тяжелой и кровопролитной обороне столицы нашей Родины.

Нет креста и у этой могилы. Но рядом возвышаются кресты старой сельской церкви, у стен которой безвременно оборвались жизни молодых матросов.

Эта братская могила находится в старинном подмосковном селе, которое в старину называлось «Белые росы», но из-за излишней рукописной витиеватости при переписках названия в государственных документах его название трансформировалось в «Белый Раст».

Конец ноября 1941 года. Командующий немецкой группой войск «Центр» с высокой церковной колокольни в бинокль рассматривает пригород Москвы. Отсюда, из района Лобни до этой славянской столицы не более 16 километров, а до ее сердца – Кремля всего каких-то 23, всего лишь 30-40 минут хорошего танкового марша. Страницы журналов обошли снимки его солдат на пригородной остановке московского городского автобуса с язвительной надписью: «Где ж этот проклятый автобус? Когда же он подойдет?». Предложенный фон Боком план обхода и окончательного штурма Москвы с этого самого выгодного направления принят и одобрен Главкомом сухопутных войск фельдмаршалом Браухичем. Но не только близость этой все еще обороняющейся из последних сил столицы торопит на штурм фон Бока. И не донесения авиаразведки о каких-то разворачивающихся здесь частях – у них не будет ни времени, ни сил противостоять приготовившимся к решительному броску «3-ей» и «4-ой» танковым группам и обстрелянным в боях штурмовым подразделениям.

Как опытного командующего фон Бока, прежде всего, беспокоит и заставляет спешить скорое приближение зимних морозов, к которым не только не готовы его даже опытнейшие солдаты, но даже и не имеют о них ни малейшего представления. А как честолюбивого генерала и барона вызывает опасение реальная возможность потери без боя этой близкой и помпезной победы. Браухич предупреждал, что фюрер все еще считает главным направлением Грозный и Баку, а затем Персидский залив и в любой момент может поступить с ним так же, как это было с Манштейном под Ленинградом. Он войдет в эту столицу победителем, не так, как уже входил в Париж и другие европейские города. Это будет грандиознейшее торжество, увековечившее его имя в истории - для этого уже тщательно разработана обширная праздничная программа, пылятся кипы пригласительных билетов на парад победы на Красной площади и на пышный банкет победителей; а на железнодорожных путях стоят в ожидании платформы с гранитными глыбами для гигантского памятника «Великой Победы» (этот гранит все-таки не пропал даром – им облицован цоколь дома в начале улицы Горького, ныне Тверской).

В Ставке Верховного Главнокомандующего Красной Армии так же предполагалось и не вызывало сомнения, что фон Бок будет использовать для наступления именно это Дмитровское, северо-западное направление. 28 ноября в Генштаб был срочно вызван начальник штаба Брянского фронта генерал-майор Л.М. Сандалов. Спустя многие годы генерал-полковник Л.М. Сандалов вспоминал, как в беседе с ним Начальник Генерального Штаба Маршал Б.М. Шапошников обрисовал все серьезность обстановки и чрезвычайную ответственность, возлагаемую на «20-ю» армию:

«Самое опасное положение сложилось на правом крыле Западного фронта, где немцам удалось потеснить нашу оборону. 29 ноября Ставкой в этот район вводятся две новые армии – «1-я ударная» у Яхромы и южнее, за рубежом Белый Раст, Крюково - «20-я». В составе этой армии две кадровые дивизии, морская стрелковая бригада, бронепоезд и некоторые другие части. Армия только разворачивается, но время не ждет. В обстановке наступает перелом.

Через неделю мы сможем перейти в контрнаступление под Москвой. Ваше направление – Солнечногорск. Вы и назначаетесь начальником штаба».

А той морской бригадой, о которой упомянул Б.М. Шапошников, была «64-я» морская стрелковая бригада, сформированная из добровольцев-моряков с кораблей Тихоокеанского флота под командованием полковника И.М. Чистякова. Эта морская бригада была не единственной в боях под Москвой. В обороне Москвы активно участвовали: «62-я», «71-я», «75-я» и «84-я» - морские стрелковые бригады, 20 артиллерийских батарей ВМФ с корабельными пушками, «4-й» и «14-й» отдельные гвардейские морские дивизионы реактивных минометов и другие флотские формирования, в составе армейских частей из моряков центрального аппарата ВМФ, студентов Московского рыбного института и учеников старшего класса Первой Московской военно-морской спецшколы Наркомпроса РСФСР.

Но самая тяжелая и исторически ответственная роль выпала все же морякам «64-ой» бригады. Выгрузившись в Загорске, бригада с марша начала занимать оборону на танкоопасном направлении в стыке «1-й ударной» и «20-й» армий - в районе поселков Горки, Луговая и Озерецкое. Именно туда и двинул фон Бок свои основные силы ударно-штурмовых групп. Перед фронтом обороны морской бригады находилось село Белый Раст - немецкий укрепленный пункт, господствующий над прилегающей местностью и поддерживающий интенсивным артиллерийским огнем свои наступающие части. Высокая церковь в центре села, с колокольни которой немецкие генералы не раз разглядывали ближние пригороды Москвы, теперь позволяла немцам следить за обстановкой в зоне наступления и корректировать арт-огонь. Под визуальным контролем были Ленинградское и Дмитровское шоссе, зона трассы канала «Москва-Волга» - все коммуникации, по которым было бы возможно любое передвижение войсковых подразделений обороняющейся стороны. Вот поэтому, правильно оценив обстановку, командование бригады приняло решение не только выполнить приказ по обороне, а попытаться ликвидировать досаждающий немецкий укрепрайон.

3 декабря моряки пошли на штурм Белого Раста. Почти пять суток продолжался бой моряков с немецкими танками и артиллерией. В жестокой схватке село не раз переходило из рук в руки.

8 декабря - командованием было принято решение о штурме села силами трех батальонов бригады. **В мороз более 30 градусов, сняв по команде шинели и надев бескозырки**, моряки двух батальонов с двумя-тремя патронами в трехлинейках, а третий только с ножами и гранатами сквозь сплошной пулеметный огонь и разрывы мин и снарядов ворвались в село. Атаку моряков поддержало несколько танков «24-ой» танковой бригады. Вражеский гарнизон был полностью уничтожен, но и цена успеха была велика – в строю после боя из трех батальонов общей численностью в 1700 краснофлотцев стояло только около 200 человек и несколько танкистов из уцелевших танковых экипажей...

Потери были бы еще значительнее, если бы, один из танкистов по-снайперски с двухкилометровой дистанции, третьим выстрелом из танковой пушки не подавил бы, пулеметную точку на колокольне сельской церкви. Но они могли бы быть и намного меньше, если бы моряки имели хоть какое-либо время на смену экипировки. Скоротечность событий вынудила их прямо с марша вступить в бой в своих черных шинелях и бушлатах и флотских ботинках. Белый снег перед селом с первых минут боя, сразу же почернел не только от вывороченной снарядами и минами земли, не только от тел погибших и раненных краснофлотцев, но и от просто сброшенных в пылу боя флотских шинелей и бушлатов. Моряки шли в атаку в одних тельняшках, освободившись от шинелей, сковывающих их движение и делающих наступающих - слишком четкими мишенями для немецких пулеметчиков на фоне белого снега. Может быть, в этих подмосковных боях и родилась впервые - общая флотская традиция идти в решительный бой в одних тельняшках? Может быть, с этого момента немецкие войки стали называть атакующих моряков «черной» или «полосатой смертью»?

Но это была **первая победа**, первая наступательная победа, первый вклад в Великую Победу нашего народа, до которой было еще более 3-х лет.

Этот тяжелый бой за село и последующее 13-ти суточное победоносное продвижение бригады стали началом большого общего контрнаступления под Москвой, увенчанного полным провалом операции вермахта под кодовым наименованием «Тайфун». Нельзя не удивляться этому роковому совпадению - последний удар немецкой операции с чисто морским тихоокеанским названием «Тайфун» пришлось укрощать настоящим морякам-тихоокеанцам.

А моряки, разгоряченные первым успехом, уже не могли остановиться, без перерыва гнали немцев по ширине фронта бригады, пройдя с боями 130 километров и освобождая населенные пункты, среди которых был и город Волоколамск.

Следом за моряками ринулись вперед полки 20-й армии, отбросив немцев по ширине фронта армии на 250 километров. Моряки продвинулись еще на 100 километров, освободив 25 населенных пунктов. Нелегкими были эти километры под интенсивным пулеметным и артиллерийским огнем, под бомбами и очередями пикировщиков, под грохот и лязг гусениц немецких танков, с потерями своих боевых товарищей....

Конечно, оборона Москвы и общий успех контрнаступления решался далеко не только под Белым Растом и Волоколамском, но 64-й бригаде стечением обстоятельств выпала эта историческая миссия принять на себя острие последнего удара немцев, выстоять и первыми ринуться на разгром врага. Она как бы стала той каплей, которая по народной поговорке переполнила всю чашу.

Верховный Главнокомандующий высоко оценил подвиг и вклад моряков бригады в этот великий общий боевой успех, наградив 64-ю морскую стрелковую бригаду орденом Красного Знамени. Такое награждение, в тот еще крайне тяжелый период войны, было чрезвычайно редким. Но, к сожалению, продолжительность чисто флотской жизни этой бригады оказалась недолгой. Вскоре после окончания боев бригада была преобразована в общевойсковую стрелковую, и вошла в состав «20-й» армии, а морякам пришлось распрощаться со своей любимой флотской формой и родным флотским Военно-Морским Флагом.

Погибшие в боях за Белый Раст моряки с участием мирных жителей были захоронены в могилах, вырытых в три ряда на поле боя возле церкви. Впоследствии прах моряков был перенесен в общую братскую могилу в центре села Белый Раст. На могиле чугунный корабельный якорь и макеты двух флотских бескозырок с надписью на лентах «Тихоокеанский флот». На плите имена тех, кого удалось пофамильно установить, имена оставшихся навечно в призывном возрасте героев обороны Москвы.

Герой Советского Союза генерал-полковник И.М. Чистяков, бывший командир «64-й» бригады впоследствии вспоминал: «Я не помню случая, чтобы воины 64-й бригады дрогнули при виде контратаки танков или подняли панику при виде превосходящих сил немцев. Этот дружный, хорошо сколоченный коллектив я всю войну ставил в пример своим подчиненным, и сейчас, спустя много лет, я с большой теплотой вспоминаю о 64-й морской стрелковой бригаде».

Популярный военный историк Л.А. Безыменский в своей книге «Укрощение «Тайфуна» ссылается на слова Маршала Г.К. Жукова «До первых чисел декабря задача на контрнаступление не ставилась, необходимо было остановить противника, но когда были введены 1-я армия и части моряков, стало понятно, что мы должны были немедленно использовать этот благоприятный момент и развернуть контрнаступление».

Все флотские стрелковые бригады и артиллерийские дивизионы командованием фронта бросались на самые тяжелые участки, и везде моряки выходили победителями. Из всех флотских формирований наиболее долго и славно продолжался боевой путь «71-й» морской стрелковой бригады. Получив за оборону Москвы гвардейское знамя, она была преобразована во «2-ю» гвардейскую дивизию, участвовавшую в боях под Корсунь-Шевченском и освобождавшую Чехословакию и Венгрию. В конце войны она завершила свой боевой путь, именуясь «25-я гвардейская Синельниково-Будапештская орденов Суворова и Богдана Хмельницкого стрелковая дивизия», имевшая в своем строю 77 героев Советского Союза.

К сожалению, многие из моряков не дожили до Победы. В многочисленных братских могилах на полях России и освобожденных европейских государств покоятся останки погибших героев – красноармейцев и краснофлотцев, отдавших свои молодые жизни в той жестокой и долгой войне с фашизмом.

На этом можно было бы, и закончить повествование о моряках-героях.

Но в этой истории просматривается еще одна святая для русского народа связь времен. В церкви Белого Раства установлен поражающий своим величием и высоким мастерством отделки мраморный иконостас, что как-то даже материально не вяжется с обычным и более простым убранством сельских церквей. А история его, как это поведал настоятель церкви отец Василий, чрезвычайно проста. В 30-е годы прошлого столетия на разборке Храма Христа Спасителя в Москве работали два крестьянина из села Белый Раст. Приехав «на выходные домой», они рассказали местному священнику, что на разборке Храма можно приобрести кое-что из церковной утвари. Было решено закупить что-либо для устройства нового иконостаса вместо пострадавшего при пожаре в церкви. Священник обратился за помощью к жителям окрестных деревень и те сумели собрать самую ценную для того времени «валюту» - зерно. Обоз из нескольких подвод двинулся в Москву и вскоре вернулся даже с полным иконостасом, или по заключению современных экспертов - с подобранным по необходимой форме фрагментом иконостаса Храма Христа Спасителя. После необходимой подгонки иконостас был установлен на место и поныне своим величием радует местных прихожан. Там же в церкви находится икона, по заключению специалистов предположительно выполненная великим русским живописцем Васнецовым и, очевидно, так же приобретенная вместе с иконостасом.

Таким образом, можно дополнить крылатое выражение времен войны о победной поступи от стен Кремля, новым – «была освящена и началась от великого памятника славной ратной истории России – иконостаса Храма Христа Спасителя!». Память о героях - моряках свято хранят и чтят церковь села Белый Раст и ее прихожане. Они следят и ухаживают за флотской братской могилой.

К могиле в дни памятных торжеств приходят воспитанники ближайшего детского дома, моряки из гарнизона в селе Горки, воины местных подразделений и школьники Дмитровского района. За убранством могилы добросовестно следит вместе с прихожанами священник сельской церкви отец Василий. Благодаря его беседам с прихожанами, моряками и солдатами местных воинских частей и с просто посетителями пропагандируется и сохраняется в памяти народной то небольшое, что он сумел по крупицам собрать у немногих оставшихся в живых свидетелей тех событий.

Здесь как бы, воедино сошлись звенья разных эпох нашей истории, нашей славы и нашей скорби...

Капитан 1 ранга в отставке, бывший преподаватель «История флота России» КШИ «Навигацкая школа» Коновалов Олег Георгиевич.

СТИХОТВОРЕНИЕ ГВАРДИЯ СТАРШИНЫ МОРСКОЙ ПЕХОТЫ ЮРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ФОМИЧЕВА.

**Вновь вижу вас в тревожных снах.
Зима. Шинели сняты.
Идем - и ленточки в зубах.
Распахнуты бушлаты.
Атаки шквал - и враг бежит,
Крича: "Шварцтот! Шварцтот!"
Мороз. Но кровь у нас кипит.
Был сорок первый год.
Бои. Бои. И днем, и в ночь.
Гранат, патронов мало.
Но гнали, гнали немцев прочь.
В нас молодость играла.
Гвардейцы, детища Петра
и Ушакова внуки.
Наш клич - "Полундра!" и "Ура!"
Ласкают сердце звуки.
Зима. Начало февраля.
С Москвы осада снята.
Встречай, любимая земля,
матроса и солдата!**

«...Надеть бескозырки! Примкнуть штыки!..»

«...Надеть бескозырки! Примкнуть штыки!..». Прошло уже более 70 - ти лет с того морозного декабрьского утра сурового 41-го года... Но капитан 1 ранга в отставке Наумов **Виктор Иванович** до сих пор не может без особого волнения вспоминать эту команду, по которой он - 15-летний московский школьник не только примкнул холодный четырехгранный штык к тяжелой трехлинейке, но и навсегда досрочно расстался со своим опаленным войной детством...

7 ноября 1941 года. Парад на Красной площади. Падает густой мокрый снег, прикрывающий парадные части с воздуха. А здесь, внизу на земле в ближайшем охранении добровольцы охранных дружин, больше старшеклассники с большими не по росту для многих винтовками-трехлинейками. Причисленному к охранной дружине Пролетарского района Виктору Наумову выпало в этот день попасть на самое ответственное место – Каменный мост. Здесь у моста - колонны покрытых снегом грузовиков, ждущих парадные части для немедленной отправки на передовую, которая катастрофично приблизилась к городской черте довоенной Москвы – от занятой немцами Красной Поляны до нее всего 17 километров и 23 – до Кремля.

С суровыми лицами садятся в кузова полуторок только что маршировавшие по брусчатке Красной Площади пехотинцы, степенно – московские ополченцы и с прибаутками прибывшие для обороны Москвы морячки. Моряки – несбывшаяся детская мечта Виктора, отвергнутая приемной комиссией при поступлении в «1-ю» морскую спецшколу Наркомпроса... А уже с началом войны новая попытка - побег из дома «в матросы» в сражающийся Ленинград. Матросом не стал, но попал в морскую рабочую бригаду на Ладогу.

После того, как сомкнулась блокада, был отправлен домой в Москву, но не просто так – со временем его нашла медаль «За оборону Ленинграда». Конечно, он тут же около моряков – «Возьмите с собой!». Не взяли, но посоветовали ехать в Химки, где формировался сводный морской полк. Сразу же после наряда с несколькими друзьями в Химки... Первое, что спросили – «Сколько лет?». Низкорослым друзьям незачем было скрывать свой неподходящий возраст, а он – «дылда» с нехватящим всего одним сантиметром до ста восьмидесяти, конечно же, соврал – «Уже семнадцать». Поверили и приняли!

Привезли с наркоматовских складов флотское обмундирование – все, что сумели собрать. Виктору досталась бескозырка, как бы с предсказывающей ближайшие события золотой надписью - «Тихоокеанский флот». Затем несколько напряженных учебных дней в учебном артдивизионе – в грохоте выстрелов от света до полной темноты, а потом отправка на передовую под Можайск. До Можайска не доехали – срочно перебросили на Дмитровское направление, на усиление только что прибывшей 64-ой отдельной морской стрелковой бригады Тихоокеанского флота. Так Виктор подстать ленте на своей бескозырке стал тихоокеанцем....

«64-я» бригада... Такую оперативность и скоротечность от формирования до боеготовности многие части, вряд ли смогли тогда бы повторить:

18 ноября поступил приказ о формировании бригады, а уже 21 ноября бригада начала погрузку в железнодорожные эшелоны. Первый эшелон с артиллеристами капитана Германа Годжарашвили 28 ноября прибыл на подмосковную станцию Хотьково. Не успели артиллеристы скатить с платформ свои пушки, как налетели «юнкерсы». Первые выстрелы, первая удача – атака самолетов отражена. Но скрыть от немецкой разведки высадку бригады не удалось - утром немцы выбросили на Хотьково десант из 300 парашютистов, красу и гордость вермахта. Их выброска совпала с прибытием эшелона с батальоном старшего лейтенанта Михаила Токарева.

Прямо у вагонов первый тяжелый сухопутный бой моряков, первые потери товарищей, ни одному фашисту не удалось выйти живым из боя.

По решению начальника Генштаба Маршала Б.М. Шапошникова бригада сразу же после высадки была выдвинута встык, разворачивающихся для обороны столицы «1-ой ударной» и «20-ой» армий. И сразу же - «сходу» один из тяжелейших боев с танковой группировкой немецкого генерала Гепнера, включавшей в себя более половины всех воевавших в Подмоскowie танков и брошенной фельдмаршалом фон Боком 30 ноября в последний и решительный штурм Москвы. Почти с рассвета до полной темноты вели этот противотанковый бой «оседлавшие» Дмитровское шоссе артиллеристы капитана Годжирашвили. Горели танки, бронетранспортеры, тяжелые немецкие грузовики с пехотой, гибли моряки, но ни один немецкий танк не прошел через боевые порядки бригады. С сумерками бой прекратился – сотни костров от горевшей немецкой техники злоеце освещали почерневший от разрывов подмосковный снег. Попавшие в плен немцы недоумевали – ведь им оставалось всего лишь 20-30 (!) минут танкового хода до Москвы.

В память о боях на Дмитровском шоссе стоит ныне «Музей танка Т-34», созданный по инициативе вдовы маршала бронетанковых войск М.Е. Катукова. Именно с этого места подчиненная будущему маршалу № «24-я» танковая бригада ринулась 3 декабря вместе с краснофлотцами в первое в ходе войны победное контрнаступление.

Но это было только начало, а впереди не менее тяжелые бои за Кузьево, Озерецкое, Белый Раст, Лудины Горы, Тимонино, Пушкари, Волоколамск, Солнечногорск и многие другие населенный пункты. Особенно кровопролитным был бой за Белый Раст, подступы к которому прикрывали танки, устроенные в подвалах домов доты и особенно досаждавший тяжелый пулемет на колокольне сельской церкви. Около ста танков было в Белом Расте и в совхозе «Озерецкий», там же находились тяжелые артиллерийские

батареи, огонь которых корректировался с колокольни церкви Белого Раства. Отсюда Ленинградское, Дмитровское и Рогачевское шоссе, Ленинградская и Савеловская железные дороги и канал имени Москвы были, как говорят, – как на ладонке. Через Белый Раст шло боевое снабжение немецких подразделений.

Многодневный бой с танками и пехотой завершился **8 декабря** стремительной атакой села силами трех батальонов бригады. Вот тогда и услышал слова навсегда оставшейся в памяти команды 15-летний Витя Наумов: **«Снять шинели! Надеть бескозырки! Примкнуть штыки! На руку! Ориентир – церковь! Вперед!»...**

Мороз более тридцати градусов, глубокий снег – бежать тяжело. Многие сбросили даже форменки, оставшись в одних тельняшках. Словно металлические били по спинам схваченные сильным морозом ленты бескозырок. Немцы подпустили моряков до первых заборов на косогоре перед церковью, а затем обрушили на них лавину огня. Но село было взято. Взято ценой огромных потерь. Возможно, не досчитались бы и старающегося в бою вырваться вперед Виктора, если бы не отеческая забота о подростке старшины роты, постоянно сдержавшего слишком смелые порывы «юнца».

После боя за село взволнованный седовласый «батюшка» - священник сельской церкви Михаила Архангела обошел поредевший строй, оставшихся в живых моряков, и с поклоном благодарил «сынков» за доблесть и верность Отечеству, за бережное отношение к Храму Божьему – ведь за все время боев моряки старались стрелять так, чтобы не повредить церковь. Даже неизвестный танкист поддержавшей моряков «24-ой» танковой бригады сумел всего третьим снарядом сбить тяжелый пулемет с церковной колокольни. О том, что морякам пришлось кроме всего еще и освободить от захватчиков историческую святыню русского народа – в этой церкви находится демонтированный иконостас Храма Христа Спасителя, ратный памятник героям 1812 года, в то время никто из них даже не предполагал.

Среди многочисленных трофеев бригады был и захваченный в этих боях громоздкий обоз с парадным обмундированием и атрибутикой для предполагаемого парада немецких войск на Красной Площади в честь Великой победы после захвата Москвы.

А дальше практически каждодневные бои, потери боевых товарищей. В артиллерийской дуэли с тяжелыми орудиями в «Озерецком» от разрыва снаряда погиб участник Финской войны орденоседец моряк-артиллерист капитан Годжарашвили Герман Иванович, отличный тактик и безмерно храбрый человек, сумевший создать непреодолимый заслон уже предвкушавшим Великую Победу танкистам «3-ей» и «4-ой» немецких танковых группировок.

Не меньше досталось морякам и на подступах к Волоколамску. У Лудиных Гор – немцы взорвали дамбу, и хлынувшая вода, взломав лед на реке Ламе, разлилась по низине перед атакующими цепями моряков. Но и это не смогло их остановить – в тридцатиградусный мороз, где по колено, а иногда и по пояс в ледяной «каше» моряки смело шли вперед. Здесь же погиб любимец всей бригады бесстрашный старший лейтенант Михаил Токарев, посмертно представленный командиром бригады полковником И.М. Чистяковым к званию Героя Советского Союза, так и не получивший заслуженного им бесстрашием и собственной жизнью звания.

А дальше уцелевшему в этих боях московскому подростку снова выпали нелегкие фронтовые дороги, три ранения, госпитальные койки... Самым обидным было то, что пришлось распротиться с флотским обмундированием. Ставшая за бои под Москвой Краснознаменной, морская бригада, в которой на 31 декабря 1941 года от первоначального флотского состава в почти 6 500 человек осталось всего лишь 500, была преобразована в общевойсковую «82» стрелковую дивизию, сохранившую и не посрамившую во всех последующих боях добытую при обороне столицы боевую славу.

Командир бригады полковник И.М. Чистяков с честью принял командование не менее прославленной Панфиловской дивизией, сменив на этом посту ее погибшего командира генерала И.В. Панфилова.

Но видно флотская судьба все-таки была прочно уготована теперь уже солдату, а не матросу Виктору Наумову. Как-то в госпитале появились представители флота, отбирающие бойцов со средним образованием для зачисления в учебный отряд подплава. Снова соврал - ведь школу он так и не закончил, помешала война. Снова поверили и приняли. Снова тело ласкает тельняшка, а на голове лихо сидит флотская бескозырка. И снова легендарная воинская часть – подводный минный заградитель «Лембит» с легендарным командиром, бывшим до войны известным моряком - полярником капитаном 3 ранга Алексеем Михайловичем Матиясевицем, разделявшим вместе с другим командиром-подводником капитаном 3 ранга Петром Денисовичем Грищенко первенство по самому большому числу потопленных фашистских кораблей. С последними боевыми походами на «Лембите» завершилась боевая юность московского паренька Вити Наумова. А дальше – Высшее военно-морское инженерное училище, достойная долгая служба на подводных лодках Балтийского и Северного флотов вплоть до ухода в запас в 1973 году.

И лишь один раз в 1955 году после тяжелого северного перехода на подводной лодке удалось ему побывать на Тихоокеанском флоте, боевым ветераном которого, он по праву считается - по праву, завоеванному собственной кровью.

Но до сих пор седовласый капитан 1 ранга в отставке Виктор Иванович Наумов не может без волнения вспоминать то морозное утро перед Белым Растом, и не предусмотренную никакими полевыми уставами команду «Надеть бескозырки! Примкнуть штыки!».

*Капитан 1 ранга в отставке,
преподаватель «История флота России» дополнительного образования
КШИ «Навигацкая школа» Коновалов Олег Георгиевич.*